

Взаимодействие со СМИ как важная составляющая профессиональной коммуникации юриста

Interaction with Media as an Important Component of a Lawyer's Professional Communication

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-2-58-62

Получено: 30 января 2023 г. / Одобрено: 10 февраля 2023 г. / Опубликовано: 26 апреля 2023 г.

Т.М. Надееина

Д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: tanadeina@yandex.ru

T.M. Nadeina

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Forensic Expertise Department,
Moscow State Kutafin Law University (MSAL),
e-mail: tanadeina@yandex.ru

Е.А. Чубина

Канд. пед. наук, доцент,
директор Института судебных экспертиз,
доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: chubina@mail.ru

E.A. Chubina

Ph.D. in Pedagogy, LL.M.,
Director of the Forensic Expertise Institute,
Assistant Professor of the Forensic Expertise
Department,
Moscow State Kutafin Law University (MSAL),
e-mail: chubina@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются негативные последствия медиатизации правовой сферы. На конкретных примерах демонстрируются ошибки, которые допускают журналисты, освещая в массмедиа деятельность работников правовой сферы, включая судебных экспертов, а также тенденциозность рецензий на судебные лингвистические экспертизы. В качестве одного из возможных путей преодоления указанных проблем предлагается уделять внимание взаимодействию профессиональных юристов с журналистами, а также использовать *PR*-технологии с привлечением *IT*-инструментов при исследовании медийных материалов.

Ключевые слова: медиакommunikации, медиатизация, судебные экспертизы, медийные материалы, *PR*-технологии.

Abstract

The negative consequences of the legal sphere mediatization are considered. Concrete examples demonstrate the mistakes that journalists make when covering the legal professionals' activities, including forensic experts, in the mass media, as well as the bias of reviewers while estimating forensic linguistic expertise. As one of the possible ways to overcome these problems, it is proposed to pay attention to the interaction of professional lawyers with journalists, as well as to use *PR* technologies with the involvement of *IT* tools in the study of media materials.

Keywords: mediacommunications, mediatization, forensic expertise, media materials, *PR* technologies.

Введение

Правовая сфера в последние годы все чаще становится темой публикаций в российских средствах массовой информации, при этом зачастую работа правоохранителей и правоприменителей освещается в негативном ключе. Негативная информация быстро распространяется по разным оппозиционным медиаплощадкам и ретранслируется в социальных сетях и мессенджерах, подрывая репутацию работников правоохранительных органов и правовой сферы в целом.

Этот процесс неразрывно связан с феноменом медиатизации, под которым в широком смысле понимается интеграция медиа в различные сферы общественной жизни. При этом медиа выступают как институциональные структуры, транслирующие не только информацию, но и задающие парадигму, в рамках которой воспринимается эта информация.

В своей статье мы рассмотрим, каким образом авторы некоторых медиапродуктов непроизвольно или целенаправленно оказывают воздействие на

общественное сознание, формируя искаженное представление о деятельности работников правовой сферы, а также каким образом технологии профессиональной коммуникации позволяют преодолеть негативные последствия такого влияния.

Обзор литературы

Механизмы воздействия массмедиа на аудиторию являются предметом исследований в области социологии и политологии, психологии, журналистики и лингвистики. Теоретический аспект феномена медиатизации в условиях цифровой среды подробно охарактеризован в статье А.Н. Гуреевой [2].

Анализ отечественных и зарубежных публикаций позволяет сделать вывод о том, что медиатизация представляет собой процесс, основанный на различных формах коммуникации как основной практики конструирования социального и культурного мира [12], СМИ формируют символические образы [4], создают картину мира посредством специфических «медийных когнитивов» [7], оказывают манипуля-

тивное воздействие на общественное сознание [6] и особенно на политическую сферу [3], привнося изменения как в поведение политических акторов [11], так и в медиаосвещение политических событий [10]. Другими словами, массмедиа выстраивают собственную медиареальность, определяют логику общественной жизни, опосредуя собой все социальные процессы [5, с. 24].

Влияние медиа имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К числу *позитивных моментов* относится то, что процесс медиатизации упростил доступ к политической информации, расширил палитру транслируемого контента [1, с. 51]. Медиа являются главным актором распространения и адаптации специализированной информации (например, в политике и правовой сфере).

Так, становление позитивной правовой жизни общества тесно связано с системой правового информирования (просвещения), правового образования и воспитания людей. Средства массовой информации способны трансформировать правовую информацию в массовую, т.е. пригодную для массового потребления, обеспечивая тем самым право граждан на получение информации и информированность. Поэтому именно медиа являются сегодня основным и наиболее доступным источником информирования граждан в области права. Таким образом, журналистские материалы о преступлениях в определенном смысле выполняют функцию правового воспитания, являясь важным средством освещения правовой жизни общества [9, с. 112–114].

Например, в правовой сфере, по мнению исследователей, просмотр телепередач, содержащих агрессию и насилие, тесно связан с антисоциальным поведением. Кроме того, массмедиа, как правило, используют способ формирования правосознания не через обучение и практику, а через телевизионную «картинку», и этот способ имеет ряд существенных недостатков. Тележурналисты зачастую превращают человеческие трагедии, драмы и переживания, свойственные реальной жизни, в телешоу или в детективные сериалы (например, «Суд присяжных», «Детективы и пр.), при просмотре которых у телезрителей стирается грань между реальными событиями и спектаклем, и они теряют ощущение реальности, переставая понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. В результате телезритель «утрачивает в реальной жизни способность к эмпатии как к сопереживанию, сочувствию, у него повышается болевой порог, снижается цензура ранее усвоенных ценностей или, напротив, появляется чувство незащищенности и безысходности» [9, с. 121–122].

Другим не менее серьезным негативным последствием медиатизации является стандартизация и

упрощение (вплоть до профанации) правовой стороны жизни, основных правовых категорий. Это связано с тем, что журналисты иногда «адаптируют» сложные и неоднозначные социальные, политические, экономические, правовые явления, подгоняя их под простую универсальную формулу и полагая, что в таком случае информация станет более доступной для аудитории. По их мнению, аудитория должна воспринимать такую информацию без всяких усилий и, следовательно, без критического осмысления. Вследствие этого реальные проблемы правовой политики государства, противоречия правовой практики, незавершенность судебно-правовой реформы сводятся к предельно упрощенным и легким для восприятия аудиторией СМИ телеимитациям судебных процессов и «документальным» сериалам о работе частных детективных агентств [9, с. 122].

Сходным образом складывается ситуация при освещении судебных процессов в массмедиа. Как отметила О.В. Третьякова, в телепередачах, имитирующих судебные процессы («Суд идет», «Федеральный судья»), «часто разыгрываются невозможные в реальной жизни скандальные сцены, потому что на экране накал страстей, эмоций, динамики должен быть сильнее, как этого требует формат телевизионного шоу. А в конце передачи судьи объясняют участникам процесса и зрителям, почему они приняли именно такое, а не другое решение, и эти комментарии выглядят как оправдание судей перед теми, кого не удовлетворил вердикт, — и авторитета правосудия это не добавляет» [9, с. 123].

Что касается печатных СМИ, то судебная тематика раскрывается в них недостаточно полно и в основном в жанрах информационной заметки или корреспонденции «из зала суда». В своих публикациях журналисты, как правило, больше внимания уделяют фигурантам судебных дел, описывая ситуацию красочно и эмоционально, в то время как судьи и эксперты стереотипно изображаются безликой и бездушной государственной машиной. Такой подход не способствует росту авторитета судебной власти и доверия к правосудию, а также повышению уровня правовой культуры общества.

Результаты и дискуссия

Наглядным примером упрощенчества и стандартизации при освещении работы судебных экспертов является сюжет из программы «Чрезвычайное происшествие» на НТВ от 18.11.2022, посвященный случаям мошенничества с использованием поддельных подписей¹. В комментариях журналистки содержатся высказывания, в которых допущены фактиче-

¹ URL: <https://www.ntv.ru/peredacha/chp/m23900/o709819/video> (дата обращения: 17.12.2022).

ские ошибки, некорректно отражающие понятия судебной экспертологии. Например, говоря о проверке подлинности подписи на документах, журналистка сообщила: «Многое, конечно, зависит от скрупулезности *графолога* и его внимательности к деталям»; «Вопрос в том, мнение какого *графолога* окажется для суда весомее». Очевидно, что для автора телесюжета понятия «почерковед» и «графолог» являются синонимичными, но для экспертной науки они таковыми не являются. Более того, вопрос признания графологии наукой является спорным; согласно Бюллетеню Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской академии наук, графология относится к числу лженаук.

Необходимо отметить также, что тексты некоторых СМИ, посвященные деятельности судебных экспертов, пестрят многочисленными ошибками. Приведем некоторые примеры.

1. «Такой вывод сделал нанятый эксперт-лингвист — он решил, что “значительная часть арбитражного решения написана не арбитрами, а иным лицом”...». Автор строк, по-видимому, не знает, что эксперт не нанимается, а привлекается для проведения судебной экспертизы, его назначает суд, что вопросы авторства находятся в компетенции эксперта-автороведа, а не эксперта-лингвиста, и что эксперт не будет делать вывод о том, что «в процесс принятия решения могло вмешаться постороннее лицо».
2. «Привлеченный судом эксперт-лингвист не нашел в публикации манипуляций общественным мнением». В данном случае налицо ошибка в понимании рода и вида экспертиз, а также экспертных задач, поскольку признаки манипуляции исследуются в рамках не лингвистических, а психолого-лингвистических экспертиз.
3. «Эксперты ФСБ отказались признать статью Бриниха экстремистской». В компетенцию экспертов не входит правовая квалификация речевого поведения, поскольку это компетенция суда.

Еще одно негативное последствие медиатизации связано с тем, что системообразующим феноменом современных медиакоммуникаций становится игра, вернее, использование игровых элементов и техник в неигровых контекстах (геймификация). Игровые технологии активно используются для разрушения системы ценностей, дестабилизации общества и организации беспорядков. В частности, продолжительное время в интернет-СМИ «Медиазона»¹ размещался игровой ресурс «Приговори мне еще». Игроку предлагалось несколько дел, решения по которым

уже были приняты российскими судьями. Задача игрока — ознакомиться с фрагментом начала решения суда и приговорить обвиняемого к сроку, который, на взгляд участника, кажется справедливым. После принятия решения игра знакомит участника с реальным приговором, вынесенным судьей, и предлагает ознакомиться с ответом на вопрос «Почему так?», нажав на соответствующую кнопку. Казалось бы, замечательная идея, правовое образование общества. Но нет. Логика игры не давала пользователю возможности вынести оправдательный приговор, демонстрируя, что суд сегодня не решает вопрос виновности/невиновности подсудимого, виновность очевидна, а вопрос только в том, какое наказание назначить. Нужно ли еще что-то говорить о дискредитации российских судей и экспертов? Коммуникация, построенная на технологиях геймификации, позволяет «хозяевам игры» получать обратную связь, мониторить настроения игроков, изучать то, как меняются их установки, выявлять наиболее активных, т.е. заниматься, по сути, социальной инженерией.

В реалиях информационно-психологической войны под особым прицелом находится репутация и авторитет судебных экспертов, деятельность которых неоднократно подвергалась нападкам со стороны «правозащитников», размещавших свои публикации на страницах оппозиционных изданий. Для дискредитации государственных экспертов используются самые разные, порой неожиданные, каналы коммуникации, в том числе сайты, позиционирующие себя как научно-информационные. В качестве примера приведем интернет-ресурс «Диссернет», красиво представляющий себя как «Вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачению мошенников, фальсификаторов и лжецов»², одним из разделов которого является совместный с *Amicus Curiae*³ проект «Судебные экспертизы», содержащий «коллекцию заключений, выполненных с нарушениями академической честности и норм научной этики»⁴. Коллекция содержит следующую информацию о 34 экспертизах: страница экспертизы (ее текст) и данные о фигуранте дела; дело, по которому она назначена; вменяемая фигуранту статья; отрасль науки; организация, которую представляет(ют) эксперт(ы), фамилии экспертов («авторов спорной экспертизы»), дата производства экспертизы, а также текст рецензии на «спорную экспертизу» с указанием авторов. Как правило это экспертизы по серьезным уголовным делам (статьи 280, 282, 205.2, 282.1, 205.5, 319, 207.3 УК РФ), которые стали резонансными (например,

² URL: <https://www.dissernet.org> (дата обращения: 10.01.2023).

³ URL: <https://www.amicus-curiae.info/about> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ URL: <http://tosvuz.dissernet.org/expertise> (дата обращения: 10.01.2023).

¹ В настоящее время сайт заблокирован по требованию Генпрокуратуры.

дело Е. Жукова об экстремизме в блоге на *Youtube*, дело директора библиотеки украинской литературы и др.).

Подача информации здесь чрезвычайно тенденциозна, в качестве примера — рецензия на заключение по делу Леонида Гозмана о посте «Гитлер — абсолютное зло, но Сталин еще хуже»¹. Автор² «экспресс-рецензии» в стилистике «мы» — монархически представляющий себя во множественном числе («по мнению авторов рецензии») — поставил в вину эксперту В.А. Чичеровой, которую по контрасту с собой именует «авторкой» и «эксперткой», невнимание к вопросам «отождествления», не понимая при этом, что вопросы тождества лингвистическими экспертизами не решаются. На фоне собственного вопиющего непонимания азов экспертизы автор рецензии безапелляционно отрицает наличие у эксперта необходимых компетенций, ссылаясь на стаж ее экспертной работы — один год. Между тем небольшой стаж работы не всегда означает отсутствие компетенций. Рецензент «не заметил», что В.А. Чичерова имеет высшее образование по специальности «Судебная экспертиза», дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности «Исследование продуктов речевой деятельности» и аттестацию на право производства судебных лингвистических экспертиз по этой специальности.

Подобная лженаучность, передергивание фактов, незнание азов экспертологии, но при этом пренебрежительный тон и уничижительно-презрительное отношение к экспертам характерны для большинства «рецензентов» проекта «Судебные экспертизы» интернет-ресурса «Диссернет». Такие «рецензенты» травили Е.Ф. Тарасова, профессора Института языкознания РАН, который еще в 2016 г. обратил внимание на характер литературы, которая «под соусом» художественной распространялась библиотекой украинской литературы в Москве.

Негативные проявления медиатизации (стандартизация и упрощение медиапространства, подмена индивидуальной идентичности готовыми цифровыми шаблонами, риск распространения экстремистских идей, манипуляция общественным мнением, в том числе с целями диффамации и дискредитации экспертов) требуют разработки защитных мер.

Одним из возможных путей преодоления обозначенных проблем является создание центров (лабораторий), цель которых заключается в осуществлении «медиаторской деятельности», посредничества меж-

ду журналистами и представителями судебно-экспертного сообщества для адекватного освещения в массмедиа спорных вопросов, касающихся производства судебных экспертиз и использования их результатов в судопроизводстве. Сходные цели для других сфер жизнедеятельности общества преследует научно-исследовательская лаборатория «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ [8].

Медийные технологии, как и технологии взаимодействия с массмедиа, разработаны достаточно давно и используются PR-специалистами в рамках интегрированных маркетинговых коммуникаций. Первостепенной задачей, по нашему мнению, является адаптирование указанных технологий к реалиям правовой сферы в целом и судебно-экспертной деятельности, в частности. Эта проблема (в числе прочих) является предметом исследований Лаборатории медиабезопасности, созданной на кафедре судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Помимо исследования вопроса информационно-коммуникационного взаимодействия организации (экспертной, юридической) с внутренней и внешней аудиторией, в том числе со СМИ, в целях предотвращения распространения недостоверной информации, а также информации, способной нанести репутационные потери, Лаборатория медиабезопасности изучает возможности использования технологий автоматизированного анализа текстов при проведении судебно-экспертных исследований в целях совершенствования методологии экспертного анализа медийных поликодовых продуктов.

Выводы

Поскольку медиатизация профессиональной деятельности является, по своей сути, коммуникационным процессом, то нельзя не учитывать ее двусторонний характер. Профессионалы-юристы не должны оставлять без внимания случаи некорректного отражения своей деятельности в массмедиа. Необходимо проводить регулярный мониторинг и комплексные исследования информационных материалов с привлечением не только правовых знаний, но и знаний из области лингвистики и психологии, а также использовать современные коммуникационные технологии, разработанные в сфере связей с общественностью. Эти вопросы, на наш взгляд, требуют дальнейшей системной проработки.

¹ URL: <http://rosvuz.dissernet.org/expertise/153426> (дата обращения: 10.01.2023).

² Решением Минюста РФ от 08.04.2022 Д.В. Дубровский включен в реестр иностранных агентов.

Литература

1. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций [Текст] / Е.Г. Грибовод // Наука Красноярья. — 2016. — № 6. — С. 48–57.
2. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды [Текст] / А.Н. Гуреева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10 «Журналистика». — 2016. — № 6. — С. 192–208.
3. Гусева П.Д. Медиаосвещение референдума о независимости Шотландии 2014 года через призму теории медиатизации [Текст] / П.Д. Гусева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 5. — С. 314–328.
4. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов [Текст]: монография / И.М. Дзялошинский. — М.: АПК и ППРО, 2013. — С. 47–52.
5. Дукин Р.А. Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа [Текст] / Р.А. Дукин // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 2. — С. 24–26.
6. Землянова Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике [Текст] / Л.М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 «Журналистика». — 2002. — № 5. — С. 83–97.
7. Рогозина И.В. Функции и структура медиакартины мира // Методология современной психолингвистики [Текст]: Сборник статей / И.В. Рогозина. — М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — С. 121–137.
8. Слышкин Г.Г. Лингвобезопасность. Антивакцинаторство как коммуникативная угроза: языковые механизмы манипуляции сознанием [Текст] / Г.Г. Слышкин, Л.Е. Малыгина, Е.С. Павлова, Яцзяо Сюй // НИР. Современная коммуникативистика. — 2022. — № 4. — С. 81–84.
9. Третьякова О.В. Плюсы и минусы медиатизации правовой жизни общества [Текст] / О.В. Третьякова // Вестник Моск. ун-та. Серия 10 «Журналистика». — 2011. — № 4. — С. 111–126.
10. Cushion S. Injecting immediacy into media logic: (Re)interpreting the mediatization of politics on UK television newscasts 1991–2013. *Javnost-The Public*, 2014. Vol. 21 (3). Pp. 39–54.
11. Landerer N. Rethinking the logics: A conceptual framework for the mediatization of politics. *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. No. 3. Pp. 239–258.
12. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change. In: K. Lundby (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang, 2009.

References

1. Gribovod Ye.G. Mediatizatsiya politiki kak strategicheskiy resurs politicheskikh kommunikatsiy // *Nauka Krasnoyar'ya*. 2016. № 6. S. 48–57.
2. Gureyeva A.N. Teoreticheskoye ponimaniye mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2016. № 6. S. 192–208.
3. Guseva P.D. Mediaosveshcheniye referendumo o nezavisimosti Shotlandii 2014 goda cherez prizmu teorii mediatizatsii // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremenny*. 2017. № 5. S. 314–328.
4. Dzyaloshinskiy I.M. Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnyye strategii sotsial'nykh institutov: monografiya. M.: APK i PPRO, 2013. S. 47–52.
5. Dukin R.A. Mediatizatsiya sovremennogo obshchestva: vliyaniye sotsial'nykh media // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2016. № 2. S. 24–26.
6. Zemlyanova L.M. Mediatizatsiya kul'tury i komparativizm v sovremennoy kommunikativistike // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2002. № 5. S. 83–97.
7. Rogozina I.V. Funktsii i struktura media-kartiny mira // *Metodologiya sovremennoy psikhologingvistiki: Sbornik statey*. M.; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. S. 121–137.
8. Slyshkin G.G., Malygina L.Ye., Pavlova Ye.S., Yatszyao Syuy. Lingvobezopasnost'. Antivaksinatorsvo kak kommunikativnaya ugroza: yazykovyye mekhanizmy manipulyatsii soznaniyem // *NIr. Sovremennaya kommunikativistika*. 2022. № 4. S. 81–84.
9. Tret'yakova O.V. Plyusy i minusy mediatizatsii pravovoy zhizni obshchestva // *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2011. № 4. S. 111–126.
10. Cushion S. Injecting immediacy into media logic: (Re)interpreting the mediatization of politics on UK television newscasts 1991–2013. *Javnost-The Public*, 2014. Vol. 21 (3). P. 39–54.
11. Landerer N. Rethinking the logics: A conceptual framework for the mediatization of politics. *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. No. 3. P. 239–258.
12. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change. In: K. Lundby (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang, 2009.